

В центре повествования - проблема моральной ответственности перед Родиной, попавшей в беду. Действие разворачивается в конце 1944 г. Советская армия, вышедшая на довоенную государственную границу, готовится к форсированию Вислы и Одера и решающему броску на Берлин. Подспудное брожение умов в эмигрантской среде усиливается. Не дает покоя главный вопрос: что же будет дальше? И где останутся "солдаты Сталина" после неминуемой победы над Германией? А что если эта неудержимая краснозвездная лавина докатится до самой Атлантики, а потом и до «нашего», африканского берега?

Изображая противостояние пораженцев и оборонцев, выходцев из одной страны, говорящих на одном языке, но думающих по-разному, автор заостряет в художественном плане и без того непростую жизненную ситуацию. С помощью несложного литературного приема он переносит своего героя из мира реального в мир фантазии.

Внезапно Прошкину, чувства которого обострены до предела, чудятся на мирной алжирской улице два вооруженных красноармейца, которых никто, кроме него, почему-то не замечает. Момент явно кульминационный, а видение, при всей его фантастичности, достаточно многозначительное. Советский солдат с примкнутым штыком и винтовой наперевес символизирует, возможно, чересчур прямолинейную неотвратимость возмездия отступникам Родины и гневное осуждение тех, кто запятнал себя коллаборационизмом.

Оригинал текста хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Никогда ранее не публиковавшийся рассказ печатается с незначительными сокращениями. Подготовка текста, предисловие, примечания выполнены В.П.Хохловой.

ЭМИГРАНТЫ РАССКАЗ

В.В. ТОРСКИЙ

Прошла неделя, шесть рабочих дней, настал седьмой день, воскресенье. Всегда в воскресенье, по утрам, Прошкину одна и та же мысль приходит в голову. Есть такие назойливые мысли, которые непременно возникают при виде какой-нибудь вещи или если что-нибудь нужно сделать. Раньше у него было так - как только начнет бриться, вспоминается писатель Минцлов*. Какая связь - бриться и писатель Минцлов? Неизвестно. Связь, конечно, была, без связи ничего не бывает, но забылась, ушла в подсознание и, как только начнешь делать то же самое, появляется неизвестно почему. А теперь в воскресенье по утрам вспоминается сотворение мира; бог шесть дней трудился, творил мир, а на седьмой день почил от дел. Он, Прошкин, тоже шесть дней трудился и на седьмой почивает, встал позже, не торопится, что захочет, то и делает.

* Имеется в виду русский писатель, историк и журналист Минцлов Сергей Рудольфович (1870, Рязань - 1936, Рига). Военный корреспондент в годы Первой мировой войны. С конца 1917 г. в эмиграции (Финляндия, Сербия, Латвия). Как автор многочисленных исторических романов в начале XX в. пользовался известностью и большой популярностью в дореволюционной России, а позже в широких кругах русской эмиграции. Печатался в Париже, Берлине, Риге, Белграде, Ревеле.

Михаил Прошкин - эмигрант. Что такое эмигрант? Эта мысль тоже имеет свою историю. Много было ответов на этот вопрос. Время шло, и появлялись разные ответы. Эмигранты - это зерна, заброшенные бурей на чужую почву, нет нужных условий, и они не могут прорасти. Они хранители прошлого, верность прошлому - первый долг эмигранта. А потом вдруг открылось, что верность прошлому у них оттого, что в прошлом было хорошо. И это все... самый обыкновенный эгоизм, только замаскированный разными высокими рассуждениями. Потом пришло в голову, что эмиграция - это элегия, уход в тишину одиночества. И долгое время пребывал в этом элегическом состоянии. И тоже пришлось отставить элегию, - потому, что в тишину элегии медленно уходят, а они быстро бежали. И не для уединения, а для спасения. Тоже две вещи разные. А после этого пришло сознание ошибки - не нужно было уходить в эмиграцию, России ты не нужен, там и без тебя обойдутся, а ты без России не обойдешься².

Однажды ему пришлось работать в порту. Там есть деревянный склад, и на этом складе лежали

толстые бревна каких-то экзотических деревьев. Они пустили ростки и из них выросли ветви и листья. А потом он видел, как пришли рабочие и обрубили эти ростки. И он подумал: то же самое и эмигранты, такая же судьба у них... А потом тоже пришлось отказаться. Эмигранты сами сорвались со своих корней и приехали сюда, а дерево срубили и привезли. И вообще, человек - не дерево, и сравнивать просто глупо. Человек должен руководиться сознательно выбранной идеей, то есть он пришел к тому, что давно уже знал, ничего нового не открыл. Сколько приводилось слышать, читать об этом, а вот оказалось, что читать и знать - это одно, а жить этим, руководиться в жизни, - это другое. Можно многое знать, и ничего от этого не изменится. А все дело в том, чтобы изменяться. Бревна в порту - казалось бы, ничего в них особенного, сколько читал. И оставалось под спудом, а увидел собственными глазами, в порядке дня, и словно его встряхнуло. В жизни все вовсе не для того, чтобы всем понятно было, а если захочется какому-нибудь Прошкину что-нибудь понять, то тут ему и конец. Как уместить свое понимание в эту неприступную сложность жизни? А уместить-то как-нибудь нужно, хоть тресни. И ходишь на грани понятного и непо-

нятного, и только одно спасение: не думать.

В это воскресенье Прошкин оделся по-праздничному и спустился в город пить кофе. Выпил кофе, просмотрел газету. Было без четверти одиннадцать. Вышел из кафе. Что теперь делать, как провести воскресенье, отдых от работ? Проходил мимо Гор. почты и увидел Киру и Городецкого. И они увидели его, машут руками. Подошел. Поздоровались.

- Давно вас не видела, Проша. Как живете?

Но нужно сказать, кто такие Кира и Городецкий. Двадцать пять лет тому назад Кира была молоденькой девушкой, почти девчонкой, веселой, смешливой, беззаботной, приехала из Югославии к своим родителям. Красивой - нельзя сказать... потому что, если хочешь быть красивой, то нужно думать о красоте и не смеяться без толку. А Прошкин посмотрел на нее и влюбился, как подкошенный пал, сраженный любовью. А кончилось плохо - Кира вышла замуж за долговязого парня из прибалтийских немцев. Был он очень образован, начитан, но долго это замужество не продлилось. Разошлась с ним и вышла замуж за шофера такси. Потом разошлась с шофером. Жила еще с кем-то. И, наконец, вышла замуж за Городецкого. А Городецкий - бывший морской офицер, работал топографом и хорошо зарабатывал. Детей у них нет. Живут дружно, без ссор, без скандалов, и, судя по всему, больше разводов и выходов замуж не предвидится. С Городецким у него тоже хорошие отношения. У него нет этой эмигрантской закваски, верности прошлому, единая и неделимая* и прочее. Когда немцы напали на Советский Союз, не собирал багажа, чтобы ехать в Россию, отнесся отрицательно к Гитлеру. С Городецким у Прошкина всегда начинался разговор на какую-нибудь отвлеченную тему. Одно время Прошкин часто бывал у них, брал у него книги, перечел всего Достоевского, и кончалось всегда <...> спором. Все

трое кричат, встают, ходят по комнате, садятся, опять встают и ни к чему не приходят. Потом прекратилось, потому что Городецкий переменил адрес, поселился на вилле возле г. Алжира, на берегу моря и приехать к нему стало трудно.

По случаю такой встречи зашли в кафе выпить аперитив. Приблизился обеденный час, пошли в ресторан. После обеда Городецкий уехал - у него свой автомобиль - по какому-то делу. Условились встретиться в кафе. А Кира и Прошкин пошли посидеть в сквере возле памятника. Дело в том, что у них, у Киры и Городецкого, сегодня деловое свидание в шесть часов, а до шести [она] не знает, как провести время. Вот [и] посидит с ним на сквере.

... Кира уже не т[а], что была двадцать пять лет тому назад. Теперь ей должно быть больше сорока. Она уже не смеется, как раньше. Раньше ему казалось, что смешом она, как бабочка, <...> перелетает с одного предмета на другой и принимает их за цветы. Теперь смех превратился в способность говорить. Он как-то раз сказал ей об этом: вы все время говорите... Она ответила, что да, это верно... раньше не было этого, а теперь от француззов научилась. Французский язык для того и создан, чтобы говорить <...>. И правильно..., никогда ни перед кем не нужно молчать, о[бо] всем говори, даже о том, чего не знаешь. И часто бывает - говоришь, говоришь и видишь, что глупость несешь, и все-таки говоришь.

- С вами так не бывает?

Прошкин ответил, что - нет, не бывает. Если поймает себя на глупости, то умолкает.

- А я - нет. Я не умолкаю. Я еще больше говорю.

- Не знаю. Может быть, вы и правы, - ответил Прошкин.

<...> Так досидели до вечера. Зимний день короткий. <...> В пять часов дня стало смеркаться. Город нахохлился сумерками. Зари не видно, она за домами, а небо над землей потемнело и звезды на нем. В порту зажглись фонари, в открытом море два красных и зеленый огонек. Загорелся маяк [на мысе] Матифу, на той стороне залива - три вспышки и пауза. Надо идти в кафе ожидать мужа. <...>

Помолчали, и он сказал, что ему

не хочется идти домой. Дома скучно.

- Я должна была бы пригласить вас к нам, но не могу, - [услышал он в ответ.] - Мы не едем домой, надо к месье Анри ехать, к нашему хозяину, и, наверное, останемся там на весь вечер. А вы вот что... идите к батюшке. У него сегодня именины, днем именинный пирог кушали приглашенные, а вечером без приглашений, кто хочет, может придти. Идите к нему. Там, наверное, весело будет. Алферовы собираются к нему с детьми, Кущина. Я вчера видела ее, она сказала, что идет к нему. Вот и проведете вечер.

- Ну, к батюшке... я у него никогда не бываю, в церковь не хожу. Он меня спросит, что мне надо?

- А вы скажите, что передумали, не ходили в церковь, а теперь будете ходить. Он возрадуется и ничего не скажет.

- Я так не могу сказать.

- И напрасно. Вот видите... а я сказала бы. И ему будет приятно, и вечер проведете. Им привезли индюшку с фермы. Наверное, матушка поджарит ее, и будете есть индюшку и наберетесь жизненных сил, которых вам не хватает. Да?

Но продолжать разговор не пришлось, потому что увидели мужа. Попрощались и расстались и Прошкин опять один. Вечерний город со всеми своими огнями, кафе, оживление, магазины - они не торгуют, но освещены - когда-то ему нравилась такая обстановка, а теперь уже не нравится. Происходит удивительная вещь: он в толпе и одинок... Все это не для него. Есть он или нет его, все будет так же, как и было. Что нужно сделать, чтобы этого не было? До сих пор он не занимался этим вопросом. Занимался чем угодно, только не тем, чем нужно. Заморочили ему голову, ходи вокруг да около, подымай пыли как можно больше, чтобы за пылью ничего не видно было... Что такое эмигрант? Это, может быть, кому-нибудь нужно: историку, социологу, экономисту, философу; а человеку, который ничем не занимается, как он, Прошкин, совершенно не нужно знать, что такое эмигрант. Ему нужно знать только одно: что нужно сделать, чтоб не быть одиноким. Кира говорит: нужно говорить. Но это не то. Он еще не может сказать, почему не то, так сразу не разберешь-

* «Великая, единая и неделимая Россия...» - один из популярных лозунгов Главнокомандующего Добровольческой армией А.И.Деникина, направленный на сохранение территориальной целостности страны после краха империи Романовых и начала гражданской войны.

ся, но - не то. Это тоже что-то вроде очковтирательства, поднимания защитной пыли. Разве в России нельзя быть одиноким? Он России не нужен, Россия ему нужна... И так [н]а кажд[о]м шаг[у]. Откуда-то берутся разные вопросы и падают на тебя, как осенние листья в саду. Он читал одного парижского русского поэта: «замри и не шагай...». А если не шагать, то что остается? Шагать - это и значит жить. Тогда на кладбище одна дорога, там не шагают. Это удивительно. Он в судьбу не верит. Не верит, потому что в Бога не верит, Бог не нужен, как можно верить в то, чье существование невозможно доказать, вера была, потому что ничего, кроме веры, не было, а теперь появилась необходимость в доказательствах, и вера стала невозможной. И ни у кого у них нет веры, а то, что они называют верой, это привычка, верность прошлому, потому что в прошлом было хорошо. Но как бы хорошо было бы, если бы без Бога была судьба... Или по-иному: бог - это чужеродное понятие, есть он или нет, он, Прошкин, каким был, таким и останется, а судьба - это совсем другое. Это как раз то самое, что нужно. Представить ее себе: конечно, она - женщина, громадного роста, властная, деспотичная: чтобы все было, как она хочет. И вот, кто-нибудь вдруг не понравится ей... Прошкин, например... не подчинился... И начинается подсиживание, подкапывание, ловушки, тупики, вред где только можно и чем только можно. Судьба проклятая... Причина и источник всех неудач: не ты ошибся, сделал глупость, а судьба такая. А ты чистенький, невинный, как дитя, катишься, как мячик, под уклон и попадаешь в клоаку, в выгребную яму. И ничего не поделаешь - судьба такая. Без судьбы тебя просто совесть заест, а с судьбой - ничего... И вот у него, у Прошкина, тоже такая судьба. Бабища громадного роста, сила такая, что двумя пальцами, как муху, раздавит человека, сидит под балдахином и решает судьбы людей: этого в эмиграцию, этого в Париж, этого в Алжир, этому с перепоя умереть в кафе, этому виллу на берегу моря купить и приезжать туда на автомобиле, а это[т] за то, что чепуха всякая в голову приходит, пусть в одиночестве побудет,

узнает почем фунт изюму... И все, как полагается. Главное не то. Главное - совесть не тревожить.

Точно такая же история с чертями. От веры в Бога, кроме судьбы, еще черти остались. Также - жизненно необходимы. Потому что - в чем смысл чертей? В том, чтобы вредить человеку. Бог сотворил людей для того, чтобы со временем что-то из них получилось, а задача чертей - свести на нет все божеские начинания, перепутать все, чтобы ничего не получилось. Вот они и стараются. Не зря им придали строго определенные формы, выработанные столетиями, - безобразная рожа, щетина, шерсть, копыта, хвост, рога, глаза бегают, уши острые, все слышит, все знает, все в их власти - учреждения, обычаи, законы, овладели стратегическими точками. Тут все полно значения и смысла, ничего ни убавишь, ни прибавишь. И снуют, извиваются, невидимые среди людей, плетут свои бесовские козни. А человек натворил глупостей и не виноват. Почему? Черти попутали... Что было бы без них? Страшно подумать - совесть живьем заела бы человека. Ничего не может быть хуже совести, пощады от нее не жди. А с чертями оказываешься жив и невредим; черти попутали...

Но что же все-таки делать? Домой, в свою комнату на Редуте* не хочется идти. Пойти к батюшке, что ли, посмотреть, как он тебя встретит? А там, он отлично знает, там самая элита эмиграции, носители и хранители эмигрантской идеологии... нет, не идеологии... идеологии у них нет, не доросли до идеологии. Нельзя же назвать идеологией: все в прошлом... психология, а не идеология, хранители верности, которым было хорошо, а потом стало плохо, и ушли в надежде найти, где лучше. Когда Гитлер напал на Советскую Россию, они стали готовить чемоданы, чтобы ехать в Россию, воздевали руки к небу, благодарили Бога, просили его помочь Гитлеру, а этот самый батюшка чуть не молебны служил за здравие Гитлера, а когда к нему пришли женщины и стали просить, чтобы он отслужил панихиду по погибшим воинам Красной Армии, отказал им. Как-то они теперь, когда

* Район г. Алжира, где жил герой рассказа.

Красная Армия вот-вот перейдет, или уже перешла, немецкие границы? Чем черт не шутит, надо пойти посмотреть. - «... И круто он бег повернул кораблей // И к северу гонит их снова»³.

В Алжире пешеходу к северу повернуть нельзя, потому что там море. Можно только к югу поворачивать, в сторону Сахары. А там - лестницы. Алжир стоит на склоне холмов, в длину, с востока на запад еще можно пройти по ровному, а чуть возьмешь поперек - и сразу попадаешь на лестницу, или вверх, или вниз. А батюшка жил высоко вверх, на бульваре Телемли. Раньше оттуда чудный вид открывался, а теперь настроили домов, и ничего не видно. Таким был и тот дом, где жил батюшка. Если входить с бульвара, то нужно спускаться куда-то под землю, а если со стороны моря, то под[ни]маться на третий этаж. У него был балкон, и открывался вид на весь Алжир, на морской залив и пригороды по берегу моря, а от бульвара виден только небольшой кусочек с расщепленным деревом в саду на той стороне бульвара. Входили в широкую прихожую, в холл. В глубине двойные двери всегда открытые - в церковь, налево - квартира батюшки. И было так заведен[о] - если хочешь уважительно отнестись к батюшке, то нужно сначала зайти в церковь, постоять, покреститься и уже потом к нему. Он так и сделал. Вошел в церковь, постоял, посмотрел... лампадки горят, иконы смотрят на лампадки. Вот только не покрестился. Креститься он перестал еще в России, потому что был либералом и неверующим, и теперь просто рука не под[ни]малась сделать этот неискренний, показной жест. Дверь в квартиру батюшки открыта. Стоят, курят, разговаривают. Все они, конечно, знакомые, знает их. Поздоровался с ними. Вышла матушка, Мария Ивановна, маленькая женщина, от полноты еще меньше ростом, суетливо-робкая, в куделяшках, которые падают ей на лицо, щекочут, трясутся и все время их нужно откидывать, отчего она делает неожиданные движения, которые, кто не знаком с нею, может понять совсем неправильно. Прошкин поздоровался с нею, руки не поцеловал, потому что дамам вообще не целовал рук, поздравил ее с Днем ангела. И

ошибся, потому что нужно поздравлять с именинником - батюшка именинник, а не она. Никаких особенных признаков изумления, как можно было ожидать, не заметил. Она пригласила его в столовую, отведать, чем Бог послал.

В столовой было полно людей. Дамы сидели за столом и пили чай. Чуть поодаль, в полутени, стоял стол с закусками, с водкой и вином. Возле него толпились мужчины. Освещала все лампада над столом. Абажур на лампе не прозрачный, отчего все пространство в комнате освещено неодинаково. Ярче всего - стол, сияет белизной скатерть, все сидящие за столом купаются в свете. Вокруг стола зона полусвета, а возле стен - полумрак. Кроме женщин, в столовой были еще дети. Они сразу установили свой собственный мир, дополнили его воображением, и получилось, что они в лесу или в каком-то заколдованном замке, полном всяких чудес, драконов, ковбоев, принцесс, гангстеров. А взрослые в этом лесу были стволами деревьев, выступами скал, небоскребами, автомобилями, танками. Едва он вошел, как кто-то стал прятаться за ним, а другой такого же роста, как тот, нашел его там и сейчас же пристрелил: пиф-паф... и готово, прятаться нечего. А потом появилась голова с розовым бантом, которую звали Илочкой. Но были еще Слава, Олег и Жоржик. Несомненно, они были детьми тех женщин, что сидели за столом, и каждая из них с точностью знала приметы своего ребенка, и можно быть уверенным, что когда придется уходить домой, они не перепутают детей и не случится так, что дома вдруг окажется, что не того ребенка привели. Прошкина удивило то, что дети говорят по-русски. Он думал, что дети начинают с французского, а к русскому приходят с возрастом. Оказалось - наоборот, начинают с русского и переходят на французский. Были здесь представители и более старшего возраста. Они неумело произносили два-три слова по-русски и, отдав этим долг вежливости, переходили на французский.

Прошкин вместе со всеми подошел к столу с закусками. Там принимал гостей батюшка. Поздоровался с батюшкой, поздравил с Днем ангела. Батюшка налил ему

рюмку водки и спросил, чем желает он закусить. Батюшка был какой-то неуследимый. Черная ряса, борода, длинные волосы, крест на груди и в бороде и длинных волосах ... [Прочие] подробности [терялись, да] так, что больше ничего не скажешь. И тоже ничего особенно-го Прошкин не заметил. Даже как-то трогательно выходило - никогда здесь не бывал, чужой, посторонний и вдруг почему-то пришел. Естественно - первый вопрос, свойственный человеческой натуре в таких случаях: что ему здесь надо, зачем пришел, что это значит? Не мог не подумать так. Но ни в чем это не выразилось. Он представил себе, что бы было, если бы этот самый батюшка пришел к нему на Редут. И ему даже совестно стало. И вообще какое-то странное чувство охватило его. Оно появилось, как только он вошел сюда, но в столовой особенно ясно дало себя знать. Ему показалось, что он в далеком прошлом. Вон стоят директор и инспектор той гимназии, где он учился. Директор - широкое лицо с бакенбардами, полный, с брюшком. А теперь это Щукин, комиссионер по продаже сельскохозяйственных машин. Он отлично знает его и никогда не замечал, что похож на директора, которого забыл давным-давно и никогда не вспоминал. А здесь заметил. Как из прошлого вынырнул. Да он, кажется, и был попечителем учебного округа. А инспектор - высокий, худой, бритый. Тоже знает его - Нагайцев, торгует вином. А в России был прокурором. Не так давно встретил его на улице, и тот спрашивает, нет ли у него плана города Парижа. Нагайцев увидел его и помахал рукой.

- Здравствуйте. Давно не виделись. Как живем? Вы знакомы?

И хочет его познакомиться со Щукиным, с директором. Вот странно. Но оказалось, не надо знакомить, уже знакомы. И втроем подошли к столу. Выпили за здоровье батюшки. Закусили анчоусами. А разговор был о военных новостях.

- Ну как, Михаил Михайлович, очистили от немцев, к Германии подошли...

Потом пристал к ним Чуйков, в прошлом морской офицер, как раз один из тех, что в сорок первом году чемоданы складывал. Как он теперь, разобрал чемоданы? Потом

подошел еще один. Тоже знает его, работает в гараже по электрической части. Насчет чемоданов не помнит, но слышал однажды, как он говорил о преимуществах симбиоза. А симбиоз - это сожительство высшей расы с низшей, и высшая раса - это немцы, а низшая - славяне.

Потом гостей попросили встать из-за стола - будут накрывать к ужину. А Кира не ошиблась - действительно, к ужину индюк. Женщины перешли в другую комнату, а мужчины - кто на балкон, кто в прихожую. Покурить, потому что здесь уже достаточно накурено. Нужно было раздвинуть стол. Мария Ивановна попросила гостей пособить ей, потому что нужно приподнять конец стола и тянуть, а ей это не по силам. Прошкин взялся за это дело. А Нагайцев как раз в это время спрашивал его - как он думает... если американцы встретятся с русскими... А матушка слышала этот вопрос, смахнула кудельки, отбинулась и сказала: только не о политике... прошу вас... и так умоляюще посмотрела на Нагайцева, что Прошкину все сразу стало понятно: не начинай, не начинай... И Нагайцев тоже понял ее и даже подмигнул: хорошо, не начну... и перешел на другой конец, где нужно было держать стол, чтобы он не сдвинулся с места, когда начнут тянуть. А Прошкину даже стало смешно. Вдруг показалось, что все это не настоящее. Как они объясняют его приход? Может быть, думают - отбившаяся овца, блудный сын, совесть заела и пришел загладить свою вину. А в таких случаях нужно проявить снисхождение <...>. А потом опять подумал, что все только кажется ему. Явно, что он не там, где ему следует быть. Оттого - настоятельность и все представляется каким-то особенным.

А стол ему пришлось тянуть вместе с Рудневым. Тоже один из тех, что собирал чемоданы. Он спросил его, что он думает, возьмут русские Берлин или не возьмут. Прошкин ответил, что возьмут. Но в это время крикнули: тяните... и пришлось тянуть стол.

После стола Прошкин вышел на балкон. На дворе лунная ночь. Полная луна успела уже высоко подняться. Одна только тучка в небе, но и та какая-то бесформенная, полуживая, неизвестно для чего.

Сразу видно, что скучно луне. Луна имеет смысл, когда кругом облака, летят, барахтаются, налетают на нее, [когда идет] столкновение луны с облаками. Вот это интересно. Вспыхивают, разлетаются брызгами, а по земле тени от них несутся, даже как будто бы шум слышен. А когда луна одна, то ничего, кроме скуки она не вызывает, скучно ей на небе. А на земле - город. Если сверху смотреть, как он теперь смотрит, кажется, укрыт прозрачным покрывалом, спит и светит фонарями. Это если в самом городе быть, то фонари светят, бьют в глаза, пускают пыль, чтобы не видно было ничего, что за ними. (И как его угораздило придти сюда... это [все из-за] Киры). В городе от фонарей луны не увидишь, или появится никому ненужная, выглянет из-за крыши дома, пройдешь шагов десять - и спрячется за другим домом. Вот это и есть настоящее пускание пыли в глаза, только не пыли, а фонарного света. И все в городе только для этого и существует. В общем - пылеворот или световорот. А с балкона этих свето-пылеворотов не видно, и видишь все, как оно есть на самом деле. Хотя тоже нет... Лунный свет тоже очковтирательство. Кажется, будто светло, а ничего подробно не разглядишь. Сложно все это и с луной и без луны...

Прошкин закурил. Смотрит на эту мирную картину ночного Алжира, а в голове, перебивая друг друга, выскакивают разные мысли. Нет, хорошо сделала Кира, что посоветовала идти к батюшке. Сидел бы в своей комнате на Редуте и никогда бы такие мысли не пришли бы в голову. Рядом с ним стояли два человека, курили и вполголоса говорили о том, что на немецком фронте командуют Жуков и Конев и они здорово потрепали немцев при переходе через Вислу, Сандомирская операция*. Потом подошел третий и рассказывает об одном своем знакомом, как два года

тому назад, когда в Алжире высадились американцы и англичане, к нему [во] двор [за]ехал американский автомобиль с грузом, и шофер прода[вал] все, что [было] на грузовике. Тот посмотрел, что там такое. А там молоко в порошок, сахар, консервы и все такое прочее, самый ходовой товар для черного рынка. Конечно, купил без торга. Американец получил деньги и ушел пешком. А товар сейчас же разгрузили и попрятали на всякий случай. А грузовик остался. Что с ним делать? Ходил к американцам, сказал, что вот так и так... при[гнал] грузовик, поставил посреди двора, ушел и не возвращается. Грузовик мешает ему, пусть уберут грузовик. А о товаре ничего не сказал. Ну, грузовик убрали. Прошло два года, и вдруг приходят к нему военные и спрашивают: где товар, что был на грузовике... Хорошо, что он тогда не растерялся и попросил соседей быть свидетелями, что на грузовике ничего [не было]. Конечно, не бесплатно такие свидетели. Но это неважно. В общем, свидетели есть, и все в порядке. На этом рассказ прекратился, потому что на балкон вышел еще один человек и спросил рассказчика, не из Казани ли он. В Казани он знал Невалюших.

- То другие Невалюшины. Кроме казанских, есть еще ярославские.

- Я знал Невалюшина, старшего лейтенанта.

- Это мой дядя, [он] из Смоленска.

- А вы говорили - ярославские...

Потом пришла дама, тоже закурила и стала рассказывать, как у Ниночки ночью началась рвота, нужно было найти доктора, и ни один доктор не захотел придти.

Когда отворялась дверь в столовую, оттуда доносился приветливый стук тарелок, ножей и вилок. Там метались, сталкивались и расходились... это дамы помогали Марии Ивановне накрывать стол. Балкон устроен так, что в столовую нужно спускаться две ступеньки, и когда смотришь с балкона в ярко освещенную столовую, то кажется, будто там пещера, подземное Царство, полное магических действий, стол, как жертвенник, дамы, как ангелы, появляются и исчезают. Или там сказочная кухня, где готовятся волшебные кушанья и

питье и суетятся феи под бдительным надзором старой и доброй волшебницы, Марии Ивановны, у которой магический колпак по требованию моды заменен кудельками... А он, дурак, увидел эти самые кудельки и не понял, зачем они... А с другой стороны, если стать спиной к столовой, там - провал, бездна. И на дне этой бездны Алжир спит под надзором луны. А он, Прошкин, на грани этой бездны. Бросишься вниз и улетишь в лабиринт городских улиц. И ясно представилось, как он стоит за перилами, перестал держаться, раскинул руки, подхватило притяжение Земли, и он летит вниз, быстро превращается в точку и планирующим полетом исчезает в темной уличной щели. Вот за этим он и пришел сюда, чтобы постоять на грани. И хорошо сделал, что пришел. На Редуте, в его комнате все плоско и ровно, никаких граней нет.

<...> К Прошкину подходит Ковалев и спрашивает, не он ли плавал в Азовском море на катере «Мария»? Он трогает его за локоть, а Прошкину кажется, будто стучатся к нему в двери, а он спит и не просыпается, не хочет сойти с волшебной грани. Вот в чем дело... волшебная грань... Такое состояние у него, потому что он на волшебной грани... И, как сквозь сон, отвечает Ковалеву, что нет, не плавал на катере «Мария». И тот рассказывает, как у них от взрыва за кормой заклинило машину, катер потерял ход, и ветром его несет к красному берегу. За дверью в столовой пронеслась Мария Ивановна, осыпанная кудельками. Вместо ангельских крылышек у нее кудельки. Азовское море качает свои беспенные волны, словно невидимые руки нажимают клавиши пианино, и звучит неслышная музыка. А волны похожи на ковер из водорослей и медуз. Высокие вечерние облака, каких теперь нет, потому что они в прошлом, горят над морем, и выстрелы с берега лопаются, как пузырьки. Но, к счастью, заработала машина, катер «Мария» взял ход, и берег остается за кормой.

Сквозь шум негромких разговоров слышится жужжание самолета. Но теперь уже не пугает самолет. Нет немецких и итальянских самолетов. И ему вспомнилось, как в Алжире был подбит итальянский самолет, бросал бомбы на их Ре-

* Львовско-Сандомирская операция (13 июля - 29 августа 1944 г.) - наступательная операция (войск 1-го Украинского фронта под командованием маршала И.С.Конева) против немецко-фашистской группы армий «Северная Украина» с целью освобождения г. Львова и создания Сандомирского плацдарма, сыгравшего важную роль при подготовке Висло-Одерской операции (январь-февраль 1945 г.).

дуг, выбросил все, что имел, и сам упал вместо бомбы. И летчиком на этом самолете оказалась японка. Была гейшей, научилась летать на самолете и ничего лучшего не придумала, как приехать в Алжир и убивать алжирских женщин и детей. И погибла на этом деле. <...>

Но в это время на балкон вышла Мария Ивановна и приглашает гостей к столу. И ленивой походкой, пропуская друг друга: я после вас... все уходят с балкона в столовую. Прошкин докурив сигарету, бросил за балкон окурочек, посмотрел, как он падает... а там, за балконом, притяжение Земли подхватило и, вычерчивая кривую, - вполне понятно, что кривая... равнодействующая притяжения, суточного вращения вокруг оси и движения в пространстве... затерялась точка окурочка в отдалении. А Прошкин сошел с грани и спустился в столовую.

А там магическое действие на полном ходу, взрыв за кормой не заклинил матушкиного механизма. Она металась между кухней и столовой и совсем потеряла голову. Кудряшки уже не трясутся, прилипли к потному лицу. Ее спрашивают: а вы, Мария Ивановна, почему не кушаете? Отлично знают, что в таком состоянии кушать невозможно, что самым крошечным куском подавишься <...>. И в ответ она неслала такую чепуху, что спросившему становилось неловко, и он делал вид, будто ничего не спрашивал, а она еще быстрее уносилась на кухню, единственное место, откуда начинала все, и если что-нибудь непонятно, то надо придти на кухню, и так все становится понятным. Но теперь и кухня не помогает, потому что из столовой уже кричат: Мария Ивановна, не хватает тарелки... или просят еще кислой капусты... Согласный стук ножей и вилок, не очень громкий разговор гостей, занятых едой, покрыл собою всех за столом, сливаясь с ярким светом, и очень похож был на шорох ангельских крыльев. Только один раз кто-то открыл двери на балкон, и со двора донеслось близкое гудение самолета. Летит бреющим полетом. Ковалев - он сидел рядом с Прошкиным - многозначительно посмотрел на него и поднял палец. И они обменялись взглядами.

Потом наступил перерыв. Гости

покончили с закусками, очередь за индюком. Индюк поджаренный глыбой, только что из духовки, лежал на противне, купался в собственном соку. Его поставили посередине стола, чтобы все видели, потом перенесли на маленький стол. Разделывать индюка - тоже очень трудная и сложная работа - взялся Нагайцев. Мадам Щукина помогала ему. Она сосчитала, сколько едоков, - двадцать два человека... сколько тарелок... двух тарелок не хватало, как быть? И послали Колю к соседке на пятом этаже одолжить две тарелки. Когда он был уже в прихожей, крикнули ему: Коля, не две, а пять тарелок... И Нагайцев стал действовать.

После индюка второй перерыв или, как о нем выражались, - перекур. Гости говорили Марии Ивановне, что она замучила их, хотя индюка досталось по очень маленькому кусочку. «Дайте передохнуть, Мария Ивановна...» А она в ответ смотрела вниз и в сторону. И, как в первый раз, гости выходят на балкон и закуривают. Пока они ели индюка, луна успела зайти за угол дома и балкон в тени. От этого еще красивее панорама Алжира и сильнее чувствуется грань. Уже нет лунной бездны с Алжиром на дне, а очень ясно раскинулся огромный город на берегу моря, лениво поблескивает огоньками. В одном месте только темное пятно, но он уже знает, что это такое. Это Ботанический сад, знаменитый алжирский «Жардэн д'эссэ». Он недавно был там и две вещи заметил: рычанье льва из зверинца, хотя и грозное - не дай бог встретиться с таким зверем... - но в нем - вопль, жалоба, бессильный стон отчаянья... зверь, лишенный свободы... и лягушечий крик. И вспомнилось, как в России весной кричат лягушки. Что сейчас в России? Так же кричат лягушки или война уничтожила их и никто не кричит? Города разрушены, деревни сожжены, возвращаются люди и находят только развалины от дома, где жили когда-то. Обглоданная ветрами и дождями печная труба... А на небе прибавилось туч, но какие-то бесформенные, размазанные, и под ними - сухое расщепленное дерево на той стороне бульвара и, вся в дырах, растрепанная темнота леса. Это кажется так оттого, что не видно луны. Там никакого леса

нет, самый обыкновенный городской садик, кактусы, олеандры, подстриженные кусты. Сколько раз видел его, когда проходил по бульвару. А кажется так оттого, что - на грани. Хорошо, что балкон обнесен перилами, как изгородь - не дадут переступить, сделаешь шаг и долетишь по равнодействующей, как окурочек сигареты.

К Прошкину обращается сосед и спрашивает, где он работает. Два года тому назад вместе работали. Прошкин ответил, что - все там же. А он уже не работает там, нашел другое место. Работы, конечно, больше, но и зарабатывает - сравнить нельзя... Но разговор не состоялся. Того не то позвали, не то сам почему-то ушел, спустился в столовую. Остались только двое на том конце балкона. Курят и тихо говорят. Они не мешают. А лес словно приблизился. Сухое дерево расщеплено прямым попаданием. Было очень холодно, потому что кругом лежит снег. Белые пятна... он даже не сразу разобрал, что это снег. Истоптан, завален грудями земли. Какие-то бревна выворочены и торчат. Очевидно - накат, разрушенный снарядами. Две или три воронки. На обломанном суке дерева - тряпье, может быть, растерзан [взрывом] был человек. Здесь был бой, разрушили все, и от леса не осталось ни одного живого дерева. Теперь понятно, отчего ушел тот, что два года тому назад работал вместе с ним. Холод от снега. И вообще - невеселая картина, чemoданы собирать нет смысла. Говорить не с кем. Те двое, что стояли на балконе, ушли. У Прошкина тоже промелькнула мысль: уйти... холодно, темно, снег, еще попадешь в воронку, перепачкаешься... но он отогнал эту мысль - не уйдет. Что-то шевелится в темноте леса. Луна за тучами плохо светит, пестрота черного и белого. Темная фигура человека в шинели. Он идет сюда, остановился и опять идет, и видно, что к нему идет. На груди у него русский автомат. Лицо закрывает тень от шлема, красная звезда на шлеме. Солдат. Наверное, часовой или разведка.

Солдат остановился в шагах пяти и спрашивает:

- Вы, гражданин, откуда будете?

Подходит еще ближе, пошевелил автоматом. Прошкин рассмот-

рел погоны у него на плечах, услышал запах русского солдата. Милый запах, он несколько не изменился, он сам когда-то пахнул таким же запахом. Но что он может ответить на вопрос - откуда он? Из Алжира... В гостях у Марии Ивановны, на именинах индюшку ели... что еще? Ничего не мог придумать.

- Так, так ... Значит - на именинах...

И Прошкин подумал: откуда он знает, ведь я не говорил... мысли читает? А тот голосом чуть погромче и, не поворачивая головы, кому-то в сторону:

- Прокопчук.

И в самой непосредственной близости, там, где в дверь в столовую, из-за молодой елочки, точь-в-точь, как на картинах рисуют, единственная неизуродованная, даже снег на веточках... появляется еще один солдат. И подходит к Прошкину.

- Кто такой?

А ружье со штыком на руку взял.

Прошкин не мог ответить, кто такой, залепетал какую-то чепуху. А что скажешь иного? Эмигрант, местный житель, живет в Алжире, на Редуте, на балконе у батюшки, пришел на именины...

- Да ты не спрашивай. Отведи к ротному, там спросят.

- Местный житель, а говорит по-русски... Руки вверх. Иди.

И первый раз у Прошкина мысль: довольно... дальше нельзя... не потому что страшно, а потому [как] не смеет вводить в заблуждение. Те, что были тут до него, сразу почуяли, что лучше уйти, у них рыльце в пуху, чемоданы на душе, а у него, хоть чемоданов нет, но тоже лучше прекратить. А двери рядом, за этой самой елочкой, которая еще не перестала качаться. А опасность только в том, что вдруг не откроются двери... Увидели изнутри, что происходит, и заперли на ключ. А Прокопчук штыком проколет.

Но дверь не была заперта. Быстрым движением, как мышь, юркнул в столовую. Напугал тех, кто близко стоял, стремительным вторжением. Его спросили - что такое?

Прошкин ничего не ответил, пошел дальше.

В это время в столовой садились за стол. Был подан розовый крем в виде запятой или капли,

упавшей с неба, у которой от падения расплющилась нижняя часть. Капля дрожала и искрилась, как живая, - чудо кулинарного искусства Марии Ивановны из того, что привезли с собою американцы и англичане в сорок втором году, может быть, как раз из того самого грузовика, что оставили на дворе у покупателя. Потом пили чай и кофе с сахаром и печеньем, тоже американским. Но чай и кофе многие не пили, и печенье осталось почти нетронутым. В общем, именины прошли отлично, ни разговоров о политике, ни споров, ни ссор, можно подумать - одна семья. Прошкин сначала сидел молча, приходил в себя и все время смотрел на двери: а вдруг появится Прокопчук... Но Прокопчук не появлялся. Сидя у батюшки за столом, когда перед тобою порция крема, совершенно невозможно увидеть Прокопчука. Но потом это прошло, все, бывшее на балконе, отступило на второй план, потом додумает... и он принял участие в разговоре, <...> а рядом <...> прятались мысли, не имеющие ничего общего с тем, что говорил язык. Сначала думал о том, что как хорошо, что на свете есть женщины, Кира, например... все из-за нее... пришел к батюшке и не жалеет. Без нее не увидел бы Прокопчука. Кого он поведет к командиру роты? Может быть, и в самом деле Прокопчук со своим напарником стояли в секрете лунной, облачной ночью на опушке разбитого леса, прислушивались к далекой стрельбе и увидели странно одетого человека, хотели отвести к командиру роты, а он непонятным образом исчез куда-то. Или увидели совсем непонятное: в окне разрушенного дома свет, сидят какие-то люди, едят, пьют, как это бывало до войны, толкуются, разговаривают. А может быть, и это вернее всего... ничего не видели. Или это был сон быстрый, мимолетный, от которого не убережешься, даже когда стоишь на посту, потому что Прокопчук уже три ночи подряд не спал, а тут одолел сон, и все увиделось во сне.

В двенадцатом часу ночи гости сразу поднялись из-за стола. Самым трудным было разобрать детей. Они уже давно спали. Их снесли в спальню и разложили по кроватям, и никакими силами нельзя было разбудить. А если

просыпались, то начинали реветь. Только двое из них пошли собственными ногами, остальных несли на руках. Ночные улицы на короткое время огласились голосами, но сверху падал такой повелительный оклик лунной тишины, что никакие голоса не могли удержаться, остался только топот шагов по тротуару.

Прошкин шел к себе на Редут. Проходил мимо англи[кан]ской церкви. Окна дома возле церкви ярко освещены. Улица заставлена автомобилями. Может быть, у англичан тоже какие-нибудь именины. С этого места хорошо видны порт, залив и море. Он перешел на другую сторону, остановился у паркета и смотрит. Луна зашла за тучу, и там, где он, стало темно, а в порту - свет. Внизу под ним, - богатая вилла и сад. Он отлично знает это место, сколько раз проходил, проезжал. А теперь от темноты сад кажется диким, дремучим. И он подумал: а что, если появится Прокопчук. Теперь всегда, когда увидит ночью такой сад, ему будет вспоминаться Прокопчук, чуть-чуть не заколот его штыком... Это оттого, что он на грани... Хотя - вздор все это... Никакой грани нет, а просто иногда охватывает такое состояние, что кажется, будто ты на грани. Человек всю жизнь свою на грани, только не замечает этого.

¹ Подробнее об авторе рассказа см.: Хохлова В.П. Василий Торский: из творчества «Русского алжирца» // Восточный Архив. М., 2010 (Альманах издается Институтом востоковедения РАН), в печати; Торский В.В. Остров смерти // Приложение к сб. статей «Россияне и африканцы на перекрестках истории». М., Институт Африки РАН, 2010 (в печати).

² Перефразировка мысли И.С.Тургенева, выраженной в словах одного из героев романа «Рудин»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись». Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Том 5. М., Наука. 1980. С. 305.

³ Строки из стихотворения А.К.Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне». Толстой А.К. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1980. С. 165.